

УДК 13

Потенциал древнерусской философии в контексте самоидентификации современной молодежи

Сарпова Ольга Васильевна

Кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и социальных наук,
Тюменский индустриальный университет,
625001, Российская Федерация, Тюмень, ул. Луначарского, 2;
e-mail: sarpova-ov@yandex.ru

Аннотация

Для современного молодого человека важнейшим экзистенциальным вопросом является проблема самоидентификации, способствовать решению которой должны гуманитарные дисциплины. Однако в вузовских программах преподавание гуманитарных дисциплин, которые призваны способствовать этому процессу, предельно сокращено. В учебных планах сохранены только философия и история. Программы по философии построены преимущественно на изучении западноевропейской философии. Русская философия, которая отражает ментальные установки общества, представлена исключительно традиционными темами, не представляющими интереса для студентов. Автор утверждает, что необходимо расширение изучения русской философии, и прежде всего, древнерусской философии, которая до сих пор, по мнению ее исследователей, интересна только специалистам. Однако именно древнерусские мыслители сформировали базовые характеристики человека, которые в последующем были лишь уточнены и расширены философами серебряного века. Образ человека в трудах митрополита Никифора, Кирилла Туровского, Нила Сорского и других мыслителей позволяет обратить внимание на важнейшие стороны человека, без понимания и осознания которых невозможно становление личности. Древнерусские философы, размышляя о соотношении телесного и духовного, развитии волевых усилий в процессе нравственного совершенствования, понимание труда как основы для становления личности человека, не только отражали ментальные установки современного им общества, но и, в конечном счете, способствовали закреплению этих качеств как базовых характеристик русского человека. Автор утверждает, что проблема самоидентификации должна решаться на основе национальных культурных образов.

Для цитирования в научных исследованиях

Сарпова О.В. Потенциал древнерусской философии в контексте самоидентификации современной молодежи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 2А. С. 5-21.

Ключевые слова

Преподавание философии, древнерусская философия, самоидентификация, образ человека.

Введение

Проблемы подготовки высококвалифицированных специалистов в системе высшего образования широко обсуждаются с различных точек зрения. Во-первых, речь идет о собственно подготовке профессионала, хорошо знающего свое дело и способного развивать свои навыки и после окончания учебного заведения. В этом аспекте важна содержательная сторона подготовки, обеспечивающая связь с современным производством. Идет достаточно активный процесс согласования учебных планов с работодателями. Во-вторых, на разного рода научно-методических конференциях обсуждается методика преподавания. От преподавателей вузов требуют не только качественного знания собственного предмета, но и педагогической подготовленности. В программы подготовки аспирантов включаются психолого-педагогические дисциплины и педагогическая практика. В-третьих, остро встает вопрос гуманитарной составляющей при подготовке специалистов негуманитарного профиля. Эта сторона профессиональной подготовки вызывает все большую озабоченность преподавателей-гуманитариев в технических вузах. Статьи Ю.А. Алешинной, Ю.В. Артюхович, А.В. Перцева, В.В. Трошихина, Г.В. Шешуковой и других авторов посвящены анализу различных сторон гуманитарной подготовки технического образования в современных российских вузах.

Нормативной основой, на базе которой выстраивается система гуманитарных дисциплин в любом вузе, является федеральный государственный стандарт. В технических вузах государственный стандарт из всего комплекса гуманитарных дисциплин в качестве обязательных выделил только историю и философию. Все остальные учебные дисциплины (политология, социология, культурология, психология и ряд смежных с ними дисциплин) были исключены из базового цикла. Включение в учебные планы этих дисциплин отдано на усмотрение учебного заведения. В результате большинство высших учебных заведений при формировании новых учебных планов первой ступени обучения (бакалавриат) исключили почти все гуманитарные дисциплины, кроме обязательных. Единственным сдерживающим фактором от полного отказа преподавания гуманитарных дисциплин служит собственно сам стандарт и ряд компетенций, которые не могут быть сформированы в рамках естественно-научных и специально-профессиональных дисциплин.

Курс философии в вузе и проблема самоидентификации

Анализ программ по дисциплине «Философия» для непрофильных специальностей, размещенных в сети Интернет на сайтах вузов, показывает, что изучение философского курса идет преимущественно в историко-философском разрезе с дополнением обобщающих тем по онтологии, гносеологии, антропологии. Иначе говоря, преподаватели разворачивают «перед неокрепшими умами студентов целую галерею мнений западных и отечественных (*в значительно меньшей степени – О.С.*) мыслителей», которую невозможно «применить для выработки собственной жизненной стратегии» [Перцев, 2013, 15-16]. Особо подчеркнув, что мнения отечественных философов штудируются не столь широко, как западные, отметим, что тема «Отечественная философия» (или «История русской философии», «Основные идеи отечественной философии») изучается в объеме 4 аудиторных часов (2 часа отводится на лекцию и 2 часа – на практические занятия). Это максимум. Традиционно рассматриваются вопросы о периодизации русской философии, особенностях русской философии, философские идеи М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева, П.Я. Чаадаева, славянофилов и западников, русская религиозная философия. В ряде программ предлагается изучать русский космизм, развитие позитивистских идей в русской философии, философские идеи Л. Толстого, Ф. Достоевского.

Однако за такой короткий отрезок времени не представляется возможным раскрыть глубоко перечисленные выше вопросы. В результате у большинства студентов складывается весьма поверхностное представление о русской философии. Они не видят ее уникальности, не могут определить ее значимость для мировой философии и культуры.

Кроме того, фактическое повторение имен деятелей русской культуры, известных студентам со школьной скамьи, приводит к формированию эффекта узнаваемости, отсутствия новизны, а потому происходит потеря интереса. В целом, вырабатывается скептическое отношение к возможностям русской культуры в сфере философии.

К этому скепсису добавляется общее негативное отношение студентов-технарей к общественным дисциплинам в целом и к философии в частности. Как сделать так, чтобы философия из «унуной, сварливой, привередливой, угрожающей, злобной добродетели ... пугала, устрашающего рода человеческий» [Монтень, 1954, 209] в «веселую науку», которая «учит мыслить, выражать свои мысли в слове и понимать другого человека» [Перцев, 2011, 6]?

В.М. Межуев отмечает, что в культуре философия выполняет важнейшую функцию знания человека «о самом себе, или его самосознания, без чего нет никакого человека» [Межуев, 2012, 7]. Не случайно студенты проявляют значительный интерес к темам при изучении философии, где, так или иначе, раскрывается антропологическая проблематика. Иначе говоря, востребованными темами являются те аспекты философского знания, которые студенты могут применить к пониманию, анализу собственного «Я», определению своего места в этом мире.

В молодежной среде проблема самоидентификации особо востребована. Это проявляется в многочисленных увлечениях современной молодежи неформальными движениями («эмо»,

«готы», «толкиенисты» и многие другие), в которых она воплощает творческие замыслы, фантазии. Любого неформала можно «интерпретировать как художника, творца своего «произведения» – имиджа [Муратова, 2013, 895]. Увлеченность татуировками, пирсингом, «фенечками» также свидетельствует о стремлении выделиться, зафиксировать свою индивидуальность, и через нее обозначить свое место в мире. Однако такой способ культурной самоидентификации едва ли сможет решить данную проблему. Напротив, он уводит молодого человека от реалий современного мира, усугубляя экзистенциальные проблемы личности.

В популярной на Руси «Лествице» (XIV век) Иоанн Синайский сформулировал интересный совет: человек, начинающий путь совершенствования, нуждается в «некоем Моисее, ... чтобы наставляемые им перешли море грехов...». Это особенно важно «в начале отречения» [Преподобный Иоанн, www], то есть в начале жизненного пути. Кроме того, необходимо существование определенных «основ», на которые бы человек, вступающий на путь развития, мог опереться.

Таким образом, на плечи преподавателей гуманитарных дисциплин, которые сейчас преподаются преимущественно на первых курсах вузов, накладывается сложнейшая задача: способствовать духовной самоидентификации молодых людей. При этом следует учитывать, что многие из них уже заражены вирусом консюмеризма, эгоизма.

Потенциал русской философии в контексте самоидентификации

На наш взгляд, изучение русской философии позволило бы обучающимся выявить экзистенциальную опору, без которой невозможно становление личности и решение проблемы самоидентификации в современном мире.

Важную роль в самоидентификации личности занимает национальная идентичность – чувство принадлежности к соответствующему народу, которая является важнейшим составляющим менталитета.

Но изучение национальных ментальных особенностей и черт не предусмотрено учебной программой и философии, и истории.

Однако изучение любого философского вопроса связано с обращением к идеям отдельных мыслителей. Каждый из них, являясь представителем той или иной культуры, не может быть свободен от менталитета своего народа. Х.-Г. Гадамер полагает, что границы решений определенной проблемы ученым-гуманитарием заранее установлены, если не сказать более резко, «запланированы, задетерминированы» системой изначальных убеждений ученого. Х.-Г. Гадамер утверждает, что их можно даже назвать «предрассудками» ученого-гуманитария, разумеется, «в ценностно-нейтральном смысле» [Гадамер, 1988, 322-323], то есть, констатируя наличие этих «теоретических предрассудков» как факт, но не осуждая за них как за порок, недостаток. Таким образом, мы можем утверждать, что представители русской философии выражали ментальные установки русского общества.

Однако в отличие от выше перечисленных имен русских философов XVIII – начала XX веков, традиционно изучаемых в курсе философии, хотелось бы обратить внимание на мыслителей средневековья, практически неизвестных студентам, а потому изначально способных вызвать интерес.

Зарождающаяся древнерусская философия в лице ее наиболее значимых представителей отражала «дух своей эпохи». В ней, как в зеркале, отражались духовные процессы, происходящие в тогдашнем обществе. И если народные массы выражали свои ментальные установки в практической деятельности, поведении и «безмолвствовали», то в среде выразителей русской духовности складывалась иная ситуация. Учитывая, что верхушка древнерусского общества была весьма образованна, то можно утверждать, что она имела возможность, в той или иной степени, проявить менталитет общества современной для них эпохи письменно. И это был менталитет народа, в котором и происходил процесс формирования этой элиты, поскольку в тот период еще не произошло жесткого отделения элиты от низов общества, культура носила единый характер. Мало того, можно утверждать, что элита древнерусского общества, являясь частью этого общества и взращиваясь в его среде, и не могла быть свободна от этого менталитета.

Древнерусские философы размышляли над различными проблемами, но большее место отводили проблеме человека. Следует отметить, что к образу человека, складывающегося в философии разных эпох, в ходе изучения общего курса студенты обращаются неоднократно. Изучая философию отдельных периодов, студенты знакомятся с образом человека и теми трансформациями, которые он претерпевает с течением времени и развитием общества. Обращение к образу человека в русской философии позволит не только познакомить студентов с национальной философской традицией в данном вопросе, но и провести философский диалог во времени и пространстве, в ходе которого может быть осуществлен сравнительный анализ суждений русских философов разных эпох с представлениями о человеке мыслителей западноевропейской культуры и пониманием человека и его проблем в современности. В настоящее время проведены глубокие исследования, с разных точек зрения раскрывающие образ человека в произведениях древнерусских авторов. Наиболее значимыми являются работы О.Б. Ионайтис, Т.В. Чумаковой, Д.В. Иванова, и других. К сожалению, сами авторы зачастую видят ценность своих работ исключительно для последующей «исследовательской работы и подготовки лекций и семинаров по философским спецкурсам» [Чумакова, 2002, 14], то есть для узкого круга лиц. На наш взгляд, данные разработки имеют значение для всех, кто задумывается о сущности человека, о смыслах его существования и стремится найти точку опоры для самоопределения.

В качестве основных аспектов обсуждения и изучения можно выделить следующее:

1) образ человека прописывается древнерусскими авторами уже с XI-XII веков. К концу XV века он приобретает законченный характер, который в дальнейшем лишь дополняется отдельными чертами, сохраняя свои базовые характеристики. При этом «вымышлено-

обобщенных образов тексты этого времени не знают» [Ионайтис, 2013, 201], а, следовательно, отражают тип личности, который существовал в реалиях того времени;

2) в окружающем гармоничном мире человек предстает в качестве вершины божественного творения, которое и было осуществлено для него: «все же дал бог на пользу людям», «блага ты сотворил ради человека грешного» [Поучение Владимира Мономаха, 1986, 62];

3) создание образа человека с первых работ соотносится с двойственной природой Христа, соединяющей в себе Божественное и человеческое: «сугубо есть бытие наше: словесно и безсловесно, и бесплотно, и телесно» [Послания Митрополита Никифора, 2000, 77]. Тем самым проводится мысль о единстве души и тела;

По мнению авторов «Изборника Святослава 1076 года», «душа и тело едины и нераздельны, их можно различать по функциям и назначению, но совершенствовать их необходимо совместно» [Ионайтис, 2013, 198]. Душа человека бессмертна; обладает свободой действий, но лишь в том случае, если она существует в единстве с телом. «Тело делает душу реальной. Без тела ее возможности находятся лишь в потенции» [Чумакова, 1999, 123]. Но душа оформляет тело: «...и исполници все тело силою своею» [Послания Митрополита Никифора, 2000, 78], и руководит им с помощью пяти чувств. Примечательным является утверждение о силе, которая принадлежит *душе*, а не телу. Без души у тела нет силы. Духовное превосходит телесное, однако с необходимостью в нем нуждается.

Само тело, согласно Никифору Греку, лишь голый субстрат. Прямое осуждение телесного начала, жесткое противопоставление духовного и телесного в человеке в древнерусской философии отсутствует. Напротив, в тексте присутствует «дух умеренности», нет максимализма, призывов «к полной аскезе, прекращению трудовой деятельности, социальных контактов, не рекомендуют всем и сразу отказаться от семьи, имущества» [Ионайтис, 2013, 200]. Возможно, данный посыл и позволил сформироваться особому типу монашества, для которого активное участие в общественной жизни не противоречит сути монашеского служения. В качестве первого примера, активно действующего в мирской жизни монаха, можно привести Феодосия, преемника основателя Киево-Печерской лавры Антония. Уже в XX веке мы видим примеры монашеского служения в миру: мать Мария (Скобцева), принявшая монашество, но не удалившаяся в монастырь, а развернувшая активную работу по оказанию помощи всем, кто в ней нуждался, и погибшая в концентрационном лагере Равенсбрюк; распространение тайного монашества в годы советской власти (вынужденный уход в мир монахов Зосимовой пустыни, Дивеевского монастыря, тайное принятие пострига и житие в миру по монашеским принципам, существовавшее в СССР во второй половине XX века).

Кирилл Туровский (XII в.) выражает согласие со своими предшественниками. В притче «О слепце и хромце» Кирилл Туровский утверждает, что тело и душа пребывают в человеке «неслиянно и нераздельно». В концепции человека Нила Сорского (XV в.) эта идея трансформируется в мысль о невозможности исправления повреждения души в современном че-

ловеке без преобразования телесного. «Условием гармоничного существования должно быть не насилие духа над телом, а их союз» [Чумакова, 2002, 162].

Важно также было понять, что из себя представляет душа человека, на что она способна, что в ней происходит.

Согласно Никифору Греку, душа человека имеет три части: «словесное, и яростное, и желанное» [Послание Никифора, 2000, 77], соответствующие образу св. Троицы, и потому принимающие на себя идею единства существования, взаимного общения и единого деяния. Словесное начало – главенствующее, поскольку «старее и выше всех есть», позволяет человеку, с одной стороны, с помощью разума к Богу приблизится, с другой стороны, погрузить в бездну. Понимание яростного начала также диалектично: яростная часть, обладает животной силой, которая может быть направлена на созидание и на разрушение. Третья часть «желанное» «интуитивно стремится к Богу, поскольку обладает добродетелью» [Чумакова, 2002, 144], это сила воли, способная подчинять чувства разуму, с помощью которого человек подвигается к Богу.

Никифор и его последователи считали, что «человек может научиться управлять своими помыслами, разумом, эмоциями, постоянно упражняясь в этом» [Иванов, 2000, 276]. Средневековая мысль определяет такую личность как аскет, переводимый с греческого – «борец, упражняющийся», «подавляющий стихийное («яростное») начало в себе, лишаящий себя плотских наслаждений, освобождающий свое разумное («словесное») начало, обнаруживающий свою волю, целенаправленность действий («желанное»), что и является ...возможностью для реализации духовности человека борющегося» [там же].

Не только в «Послании» Никифора, но и во многих других средневековых древнерусских источниках «просматривается образ способного к преодолению внешних трудностей, внутренних препятствий на пути к самодвижению, самораскрытию, стремление к духовному совершенству и общению человека, борющегося за самого себя, свое общество (род) и Родину» [там же, 275].

Человек, способный бороться со своими страстями, управлять собой, умеющий концентрировать свое внимание на внутреннем духовном мире, размышляющий над собственными поступками, задумывающийся о ценностях и смыслах своего существования, и, в конечном счете, формирующий в себе навык самоконтроля, воспитывает в себе личностное начало.

Возможно ли становление личности в условиях традиционного общества, коим, безусловно, являлось древнерусское общество? Принято считать, что в традиционном обществе личность была ущемлена коллективом, проявления индивидуализма не приветствовались и подавлялись. Однако это лишь теория. В рамках конкретных обществ проявления коллективизма и индивидуализма характеризуются значительной спецификой.

В данном случае, на наш взгляд, необходима корреляция философского материала с историческим.

Анализируя особенности русского коллективизма и влияния, оказанного на него православным христианством и традициями русской крестьянской общины, Ж.В. Зарицкая утверждает, что русский коллективизм можно считать «индивидуализированным коллективизмом» [Зарицкая, 2013, 53]. Она указывает, что русский коллективизм проходит путь от стихийного, обусловленного влиянием климатических и историко-географических факторов, до осознанного, сочетающего коллективистские и индивидуалистические черты.

Осознанный коллективизм формировался в рамках крестьянской общины, для которой был характерен дуализм ценностей. С одной стороны, ценностями общины являлись индивидуальность собственности и индивидуального труда, ценность каждой личности, ее равенства с другими членами общины, проявлявшаяся в праве участвовать в общинном сходе, в уважении к мнению каждого, ценность свободы выхода из группы. С другой стороны, община была «общественно-хозяйственным организмом, характеризующимся совместным пользованием земли, совместным ведением хозяйства» [там же, 49], где в «межличностных отношениях сложились принципы взаимопомощи и взаимоподдержки» [там же, 50]. Община помимо экономической необходимости была связана «духовным единством» [там же]. Православное христианство усиливало «единство индивидуального и коллективного начал, подведя под каждый компонент дополнительную ценностно-мировоззренческую основу» [там же, 52]. Прежде всего, православие объединяло людей в духовную общность и провозглашало главной целью спасение души, которое достижимо только «через индивидуально-коллективное взаимодействие людей внутри Церкви» [там же, 51]. В то же время, православие воспринимало каждую личность как ценность, поскольку человек создан по образу Божьему, спасение носит индивидуальный характер. Декларируя принцип добровольного принятия в христианство, православие утверждало идею ценности индивидуальной свободы.

Именно на основе этих факторов стала возможной та активность народных масс, которая спасла Московское государство в Смутное время. В.О. Ключевский отмечает, что здесь присутствовала «воля народа», проявленная «самостоятельно и сознательно» [Ключевский, 1988, 64]. Эта воля осознавала свою силу и влияние, утверждая, что, царя «без больших бояр и *всенародного* (курсив – В.О. Ключевский) собрания с царства свести невозможно» [там же, 65]. В текстах появляется выражение «люди Московского государства», «наверх всплывает много самых худых людей, торговых мужиков и молодых детишек боярских, т. е. худородных...» [там же, 67]. В последующих событиях, особенно в войнах, мы видим постоянно эту силу народа, проявляемую в единстве и сплоченности, вне зависимости от личности правителя и отношения к нему и в индивидуальном героизме, жертвенности ради общего блага. Понимание этого присутствует и в элите русского общества, которая при необходимости умела извлекать из народной среды наиболее способных и сознательных представителей, а при обращении к народу взывала не к корыстным интересам, а к высшим духовным ценностям, наличие которых и свидетельствует о присутствии развитого личностного начала.

Образ человека, сформированный древнерусской мыслью, дополняется таким качеством как уважительное отношение к труду. Владимир Мономах гордится тем, что Бог сделал его «к любому человеческому делу способным» [Поучение Владимира Мономаха, 1986, 163]. В его понимании труд выступает в качестве необходимого средства нравственного совершенствования человека.

Наиболее явное соединение идеи о духовном развитии личности во взаимосвязи с деятельностью обнаруживается в древнерусской трансформации византийского исихазма Григория Паламы и Григория Синаита. Идеи исихазма проникли на Русь еще в XI веке. Византийский исихазм предлагая верующим психофизическую практику, выдвинул идею «умной молитвы», в результате которой человек раскрывает себя небесному, которое в свою очередь принимает человека в себя.

Наиболее широкое распространение исихазма связано с именем преподобного Сергия Радонежского, что составляет определенную трудность для философов, поскольку им не оставлено ни одного письменного источника. Но разве философия не знает примеров, когда идеи великого мыслителя передавались его учениками, оставляя великий след в культуре народа.

Обожение человека, по мнению преподобного Сергия, возможно не только с помощью «умной молитвы», но и через любую деятельность, несущую добро. «Для Сергия труд – благословение, а не проклятие Божие: именно в труде человек приближается к аскетическому пониманию христианства, труд с духовной точки зрения становится не просто способом выживания, но прежде всего формой духовного делания и источником внутреннего роста человека» [Святейший патриарх Кирилл, 2014, www].

Западная Европа имела совершенно иное представление о труде. Согласно исследованиям авторитетнейшего французского историка, Ж. Ле Гоффа, средневековая Европа с презрением относилась к труду. Лишь к концу XIV века большинство профессий ранее считавшиеся «бесчестными» (т. е., не имеющими чести), а к таковым относились почти все виды деятельности, были в сознании людей оправданы. Но оправдание носило практический, по сути, экономический характер: «происходит экономическая и социальная революция», наиболее важным аспектом которой является «разделение труда» [Ле Гофф, 2000, 66]. Именно прагматическое понимание взаимной экономической зависимости, рост материального влияния новых социальных групп заставляло общество обращаться к религиозным инструментам, которые лишь одни могли обеспечить возвышение в средневековом обществе (например, «каждая профессия получает своего покровителя» [там же, 72.]. Однако, в конечном счете, Ж. Ле Гофф отмечает, что церковь делает по отношению к труду «не больше, чем в конце античности по отношению к рабству. Реформация мало что изменит в этом вопросе» [там же, 74.].

Преподобный Сергий своей жизнью дает пример соединения двух ценностей «любовь к Богу и *деятельная* (курсив мой) любовь к ближнему» [Святейший патриарх Кирилл, 2014,

www]. В.О. Ключевский пишет: «пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником, служил ей, как раб купленный, ...ни на один час не складывал рук для отдыха, как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу», «... указывал дело всякому по силам...» [Ключевский, 1991, 50]. В концепции Сергия Радонежского любой труд может духовен. Труд не только источник средств к существованию. В последующем С.Н. Булгаков определит труд в качестве «основополагающего феномена жизни» [Хайлова, 2013, 296]; укажет, что деятельное отношение человека к миру, осуществленное в труде, выявляет в нем «творческие силы» и отражает «богоподобие» человека [Булгаков, 2004, 50].

Концепция деятельного исихазма усиливала мысль о единстве тела и души, поскольку посредством тела человек только и может творить добрые дела; в сочетании с постоянной материальной практикой делания добра позволяла человеку научиться различать в мире добро и зло. Базовые положения исихазма отражали складывающееся «в обществе органическое соединение материальной жизни с духовной» [Сарпова, 2014, 89].

Преподобный Сергий особое внимание уделяет труду духовному, направленному на совершенствование собственного внутреннего мира. Достижение духовной внутренней чистоты было не связано с истязанием плоти, которое практиковалась в христианстве в качестве главного средства с мирскими соблазнами. «Самое же главное средство в борьбе с искушениями – нравственный подвиг, та самая «чистота души», когда, не прибегая к физическим истязаниям, человек лишь одними «стрелами чистоты» способен преодолеть все соблазны» [Перевезенцев, 2014, www].

Навык к усиленному труду, привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах, чувствах, формируемая в монашеской братии под неустанным контролем Сергия, не уничтожили индивидуальность, а напротив, «каждый оставался самим собой, и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого» [Ключевский, 1991, 251]. Доказательством этого служит дальнейшая самостоятельная деятельность учеников старца.

В целом, можно утверждать, что деятельный исихазм Сергия Радонежского способствовал формированию активной личности верующего и способствовал решению важнейшей задачи – объединения русских земель и свержения монголо-татарского ига.

Сергий Радонежский привнес в древнерусское общество идею почитания Святой Троицы, символизирующую единство Бога, и тем самым возбудил в сознании народа мысль о единстве самого народа. Раздробленная Русь, таким образом, сплавивалась не экономическими связями, как это происходило в европейских государствах, а в большей степени связями духовными.

Идеи исихазма были продолжены в творческой деятельности Нила Сорского, который оставил после себя значительное число сочинений. Вслед за Сергием Радонежским, сместившим «акценты в направлении духовного и нравственного самосовершенствования» [Перевезенцев, 2014, www] Нил Сорский главное внимание уделяет развитию внутреннего

мира человека, «цель которого – гармония человека с окружающим его миром и полное согласие с Богом» [Ионайтис, 2013, 209].

В «Уставе» Нил Сорский подвергает анализу «страстные помыслы», коих он насчитывает восемь, и показывает, как они могут овладеть человеком, и как с ними бороться. По его мнению, в борьбе со страстями главное – внутренняя, а не внешняя борьба. Старец цитирует своих греческих предшественников, прямо указывающих на эту особенность: «Если внутреннее делание с Богом не поможет человеку, то все трудиться во внешнем» [Преподобный Нил Сорский, 2011, 88]. И хотя, следуя византийской традиции, Нил Сорский упоминает дыхательные упражнения во время «умной молитвы», но для него главное «внимание к себе» и «трезвение», т. е. внутренняя работа над собой, которую надо вести без усталости. Эта борьба со страстями тяжела. Не случайно преподобный старец называет ее «мысленный подвиг» [там же, 115], где необходимо «всем умом и чувствами работать» [там же, 117], «принуждать себя к всякому благу» [там же, 11, 174]. В целом, «жизнь человека есть борьба со страстями, которые поражают и душу, и ум» [Ионайтис, 2013, 210].

Нравственное становление, согласно Нилу Сорскому, невозможно без соответствующей деятельности – «... делания творя, каковы угодны Богу» [Преподобный Нил Сорский, 2011, 186], среди которых – молитва, чтение духовных книг и «работой служение» [там же]. В «Послании Вассиану Патрикееву» старец советует: «Делай также что-либо руками, ибо и этим лукавые помыслы отгоняются» [там же, 191]. Т.В. Чумакова утверждает: «Деяние и мысль нераздельны, без деяния мысль обесмысливается. ... лишенная связи с делом мысль становится ложной. Лишь деяние придает мысли реальность, воплощает ее, в нем она обретает плоть, подобно тому, как в личности Иисуса Христа божественное соединяется с человеческим» [Чумакова, 1999, 132]. В результате «философия как размышление о Боге и человеке смыкается с философией как образом жизни» [там же, 132].

Таким образом, древнерусская философия стремилась создать целостный образ человека в единстве духа и тела, утверждая приоритет духовного, которое формируется в человеке путем усилий воли в процессе активной трудовой деятельности, являющейся фундаментальной основой жизни человека.

Заключение

Обращение к антропологическим идеям древнерусских мыслителей представляется нам в настоящее время весьма уместным. Экзистенциальные размышления, углубленный внутренний анализ, представления о формировании духовного человека, в которых ведущую роль играют собственные усилия человека, актуальны сегодня как никогда. А.В. Перцев в размышлениях после встреч с П. Слотердайком пишет: «Отвыкание от взыскательного, критического мышления, от усилий, которых требует интеллектуальный (и духовно-нравственный – О.С.) рост, привело к торжеству примитивного... Демократия пре-

вращается в торжество посредственности, неспособной к самостоятельному руководству жизнью» [Перцев, 2013, 19]. Древнерусская философия, напряженно всматриваясь в духовный мир человека, требовала от него сосредоточенности усилий, осмысленности действий, нравственности деяний. Для нее неприемлемо разделение слова и дела.

Обращение к древнерусским текстам позволит познакомиться и с специфическим языком русской философии. Категории души, любви, мира, милости, «детелия» и другие не стали рационально-инструментальными, как это характерно для понятий, сформированных западноевропейской мыслью [Минаков, 2016, 259], но способствовали становлению неповторимого облика русской философии. Древнерусские тексты обладают высокой энергетикой слова, в которой «язык синергично связан с духом народа» [Осинцева, 2016, 224]. Тексты Древней Руси характеризуются диалогичностью, высокой коммуникативностью [Грекова, 2014, 43]. Обращенность к читателю содействует более глубокому восприятию содержащихся в них идей. Но самое главное – они направляют читателя к анализу его внутреннего мира, способствуют пониманию собственного «Я». В то же время «торжественно-приподнятая тональность», «эмоционально-экспрессивная лексика» [Грекова, 2014, 47] подчеркивают значимость образов, характеристик, даваемых человеку древнерусскими книжниками.

Религиозный православный характер текстов не является препятствием для понимания человека в современности. Духовность не равнозначна религиозности, она существенно шире. Однако православие «отвечало фундаментальным особенностям русского национального характера» [Горелов, 2012, 163]. Произведения древнерусских мыслителей представляют интерес «для всех добрых людей, мало-мальски берегущих свой внутренний мир».

Именно на базе глубокого изучения древнерусской философии, несущей в себе мудрость, в которой «осуществляется единство теорий и практики, синтез всех духовных потенций совпадение истины, добра и красоты» [Романова, 2009, 205] возможно активное содействие становлению личности. Раскрытие собственного «Я» есть основа становления свободного человека. Однако традиция толкования образа человека в русской философии не связана индивидуализмом как самоценностью. В образе человека древнерусская философия изначально формирует идею единения, проявляющуюся в единстве души и тела, внутреннего и внешнего, слова и дела, человека и общества. Идеи, высказанные древнерусскими мыслителями, созвучны проблемам нашего времени. Процесс самоидентификации современного молодого поколения, осуществляемый на базе национальных культурных образов, будет происходить более органично и успешно, поскольку опирается на ментальные установки. Следовательно, в рамках изучения общего курса философии преподавателям данной дисциплины непрофильных вузов необходимо более широкое изучение национальной философии и тех проблем, которые она успешно разрабатывала на протяжении всего периода своего существования.

Библиография

1. Булгаков С. Христианство и труд // Отечественные записки. 2004. № 6 (21). С. 50-53.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 704.
3. Грекова И.В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: дис. ...канд. филол. наук. Бийск, 2014. 211 с.
4. Горелов А.А. Русская идея на пути к духовно-социальному единству // Философия и общество. 2012. № 1. С. 162-176.
5. Зарицкая Ж.В. О специфике русского коллективизма // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 3. С. 48-54.
6. Иванов Д.В. Архетип российского воспитания: «образ человека борющегося» в исторических и литературных памятниках. // Философия образования. 2000. № 1. С. 274-280.
7. Ионайтис О.Б. Антропологические идеи в философии средневековой Руси // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2014. Т. 125. № 1. С. 197-216.
8. Ключевский В.О. Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства // Ключевский В.О. Литературные портреты. М.; Современник, 1991. С. 460.
9. Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти томах. Т. 3. Курс русской истории. Часть 3. М.: Мысль, 1988. 408 с.
10. Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. 328с.
11. Межуев В.М. Кому и зачем нужна философия // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 5-16.
12. Минаков В.Б. Проблема статуса русской философии в мировой философской мысли // Водосбережение, мелиорация и гидротехнические сооружения как основа формирования агрокультурных кластеров России в XXI веке. 2016. С. 256-260.
13. Монтень М. Опыты. 1954. 490 с.
14. Муратова И.А. Игра как основной принцип формирования имиджа представителя молодежной неформальной организации // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 895-900.
15. Осинцева Н.В. Об онтологии языка в образовании // Проблемы инженерного и социально-экономического образования в условиях модернизации высшего образования. Мат. Региональной научно-методической конференции. Тюмень. 2016. С. 223-225.
16. Перевезенцев С.В. Преподобный Сергий Радонежский. Все учение – жизнь. URL: <http://www.pravmir.ru/prepodobnyj-sergij-radonezhskij-vse-uchenie-zhizn>
17. Перцев А.В. Новое средневековье или новое Возрождение // Философские образование: Вестник ассоциации философских факультетов и отделений. 2013. Т. 112. № 1. С.18-30.
18. Перцев А.В. Философия не дает ответов. Она заставляет искать их ...// Дискуссия. № 9 (17). 2011. С.6-11.

19. Послание Никифора, митрополита Киевского к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава // Послания Митрополита Никифора. М. 2000. С. 75-82.
20. Поучение Владимира Мономаха. // Изборник: Повести Древней Руси. М.: Художественная литература, 1986. С. 59-70.
21. Преподобный Иоанн игумен Синайской горы. Лествица. СПб., 2010 Электронное издание. URL: http://terletsky.ru/data/Prp_Ioann_Sinaysky_Lestvica.pdf
22. Преподобный Нил Сорский. Устав и послания. М., 2011. 240 с.
23. Романова Е.Н. Специфика древнерусской философской мысли (к историографии вопроса) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 2 (57). С. 198-209.
24. Сарпова О.В. Отношение к труду в западноевропейской и древнерусской средневековых культурах // Сборник трудов Международной научно-исторической конференции имени академика Л. Блюментроста. 2014. № 2. С. 83-91.
25. Святейший патриарх Кирилл Главное чудо Сергия Радонежского – он сам. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3693883>
26. Хайлова Л.А. Теоретические аспекты труда как основополагающего феномена в онтологии человека // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 3. С. 292-296.
27. Чумакова Т.В. Нравственный опыт в книжности Древней Руси // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 1999. Т.3. № 1. С. 119-139.
28. Чумакова Т.В. Образ человека в культуре Древней Руси: опыт философско-антропологического анализа: дис. ...докт. филос. наук СПб.: СПбГУ, 2002. 409 с.

The potential of ancient Russian philosophy in the context of the identity of modern youth

Ol'ga V. Sarpova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of humanities and social sciences,
Tyumen Industrial University,
625001, 2 Lunacharskogo st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: sarpova-ov@yandex.ru

Abstract

The author of the article notes that teaching humanities is significantly reduced in technical universities. But they are designed to promote personal growth and development. The actual problem of identity does not receive the necessary pedagogical support. Program philosophy

contains mostly material on Western philosophy. As a result, students receive a variety of information that is alien to the national mentality. Such educational material may not contribute to the process of self-identification of the Russian youth. The author proposes to strengthen the teaching of Russian philosophy in the course of general philosophy for non-core universities. Most interesting is the image of man, formed by ancient thinkers. According to the author, philosophers of Ancient Russia expressed mental attitudes that remain relevant in our time. The most important traits of ancient philosophers are strong work ethic, ability to manage their feelings, priority of spiritual values, hard work, unity of words and deeds. The author shows that ideas expressed by the ancient Russian thinkers are in tune with the problems of our time. The process of self-identification of the modern young generation can occur more organically and successfully, because it relies on mental attitudes. Consequently, as part of the study of the general philosophy course, teachers of this discipline of non-core universities need a broader study of national philosophy.

For citation

Sarpova O.V. (2017) otentsial drevnerusskoi filosofii v kontekste samoidentifikatsii sovremennoi molodezhi [The potential of ancient Russian philosophy in the context of the identity of modern youth]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (2A), pp. 5-21.

Keywords

Teaching philosophy, ancient Russian philosophy, self-identification, the image of man.

References

1. Bulgakov S. (2004) Khristianstvo i trud [Christianity and labor]. *Otechestvennyye zapiski* [Russian notes], 6 (21), pp. 50-53.
2. Chumakova T.V. (1999) Nravstvennyi opyt v knizhnosti Drevnei Rusi [Moral experience in the bookishness of Ancient Russia]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Thought: Journal of the Petersburg Philosophical Society], 3 (1), pp. 119-139.
3. Chumakova T.V. (2002) *Obraz cheloveka v kul'ture Drevnei Rusi: opyt filosofsko-antropologicheskogo analiza. Dokt. Diss.* [The image of man in the culture of Ancient Rus: the experience of philosophical and anthropological analysis. Doct. Diss.]. Saint Petersburg: SPbGU.
4. Gadamer Kh.-G. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germeneytiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow.
5. Grekova I.V. (2014) *Evolyuetsiya agiorgaficheskogo zhanra v funktsional'no-stilisticheskome aspekte. Dokt. Diss.* [Evolution of the agriorphic genre in the functional-stylistic aspect. Doct. Diss.]. Biisk.

6. Gorelov A.A. (2012) Russkaya ideya na puti k dukhovno-sotsial'nomu edinstvu [The Russian idea on the way to spiritual and social unity]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 1, pp. 162-176.
7. Ionaitis O.B. (2014) Antropologicheskie idei v filosofii srednevekovoi Rusi [Anthropological ideas in the philosophy of medieval Russia]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki* [News of Ural Federal University. Series 3: Social Sciences], 125 (1), pp. 197-216.
8. Ivanov D.V. (2000) Arkhetip rossiiskogo vospitaniya: "obraz cheloveka boryushchegosya" v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh [The archetype of the Russian education: "the image of the struggling man" in historical and literary works]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education], 1, pp. 274-280.
9. Khailova L.A. (2009) Teoreticheskie aspekty truda kak osnovopolagayushchego fenomena v ontologii cheloveka [Theoretical aspects of labor as a fundamental phenomenon in human ontology]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of KSU named after O.N. Nekrasov], 3, pp. 292-296.
10. Klyuchevskii V.O. (1988) *Sochineniya. V 9-ti tomakh. T. 3. Kurs russkoi istorii. Chast' 3* [Compositions. In 9 vol. Vol. 3. The course of Russian history. Part 3]. Moscow: Mysl Publ.
11. Klyuchevskii V.O. (1991) Znachenie prep. Sergiya Radonezhskogo dlya russkogo naroda i gosudarstva [The value of prep. Sergius of Radonezh for the Russian people and state]. *Literaturnye portrety* [Literary portraits]. Moscow: Sovremennik Publ.
12. Le Goff Zh. (2000) *Drugoe srednevekov'e: Vremya, trud i kul'tura Zapada* [Other Middle Ages: Time, Labor and Culture of the West]. Ekaterinburg.
13. Mezhuev V.M. (2012) Komu i zachem nuzhna filosofiya [To whom and why the philosophy is needed]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical Journal], 2 (9), pp. 5-16.
14. Minakov V.B. (2016) Problema statusa russkoi filosofii v mirovoi filosofskoi mysli [The Problem of the status of Russian Philosophy in world philosophical thought]. *Vodosberezhenie, melioratsiya i gidrotekhnicheskie sooruzheniya kak osnova formirovaniya agrokul'turnykh klasterov Rossii v XXI veke* [Water saving, melioration and hydraulic engineering structures as a basis for the formation of Russia's agro-cultural clusters in the 21st century], pp. 256-260.
15. Monten' M. (1954) *Opyty* [Experiments].
16. Muratova I.A. (2013) Igra kak osnovnoi printsip formirovaniya imidzha predstavatelya molodezhnoi neformal'noi organizatsii [The game as the main principle of forming the image of a representative of a youth informal organization]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 12, pp. 895-900.
17. Osintseva N.V. (2016) Ob ontologii yazyka v obrazovanii [On the ontology of language in education]. *Problemy inzhener'nogo i sotsial'no-ekonomicheskogo obrazovaniya v usloviyakh modernizatsii vysshego obrazovaniya. Mat. Regional'noi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Problems of engineering and socio-economic education in the conditions of modernization of higher education. Materials of regional scientific-methodical conference]. Tyumen', pp. 223-225.

18. Perevezentsev S.V. *Prepodobnyi Sergii Radonezhskii. Vse uchenie – zhizn'* [The Monk Sergei of Radonezh. All teaching is life]. Available at: <http://www.pravmir.ru/prepodobnyj-sergij-radonezhskij-vse-uchenie-zhizn> [Accessed 22/02/17].
19. Pertsev A.V. (2011) *Filosofiya ne daet otvetov. Ona zastavlyaet iskat' ikh ...* [Philosophy does not provide answers. It forces to look for them ...]. *Diskussiya* [Discussion], 9 (17), pp.6-11.
20. Pertsev A.V. (2013) *Novoe srednevekov'e ili novoe Vozrozhdenie* [New Middle Ages or the New Revival]. *Filosofskie obrazovanie: Vestnik assotsiatsii filosofskikh fakul'tetov i otdelenii* [Philosophical education: Bulletin of the association of philosophical departments], 112 (1), pp.18-30.
21. *Poslanie Nikifora, mitropolita Kievskogo k velikomu knyazyu Vladimiru, synu Vsevoloda, syna Yaroslava* [The Epistle of Nicephorus, Metropolitan of Kiev to the Grand Duke Vladimir, the son of Vsevolod, the son of Yaroslav] (2000). *Poslaniya Mitropolita Nikifora* [The Epistles of Metropolitan Nicephorus]. Moscow, pp. 75-82.
22. *Pouchenie Vladimira Monomakha* [Instruction of Vladimir Monomakh] (1986). *Izbornik: Povesti Drevnei Rusi* [Collection: Tales of Ancient Russia]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., pp. 59-70.
23. *Prepodobnyi Ioann igumen Sinaiskoi gory. Lestvitsa* [St. John the hegumen of the Sinai mountain] (2010). Saint Petersburg. Available at: http://terletsky.ru/data/Prp_Ioann_Sinaysky_Lestvica.pdf [Accessed 15/02/17].
24. *Prepodobnyi Nil Sorskii. Ustav i poslaniya* [The Monk Nil of Sora. Charter and messages] (2011). Moscow.
25. Romanova E.N. (2009) *Spetsifika drevnerusskoi filosofskoi mysli (k istoriografii voprosa)* [Specificity of Old Russian philosophical thought (to the historiography of the issue)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right], 2 (57), pp. 198-209.
26. Sarpova O.V. (2014) *Otnoshenie k trudu v zapadnoevropeiskoi i drevnerusskoi srednevekovykh kul'turakh* [Attitude to work in Western European and Old Russian medieval cultures]. *Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-istoricheskoi konferentsii imeni akademika L. Blyumentrosta* [Collected works of the Int. Scientific-Historical Conference named after Academician L. Blumentrost], 2, pp. 83-91.
27. *Svyateishii patriarkh Kirill Glavnoe chudo Sergiya Radonezhskogo – on sam* [Holiness Patriarch Kirill the main miracle of Sergius of Radonezh is himself]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3693883> [Accessed 22/02/17].
28. Zaritskaya Zh.V. (2013) *O spetsifike russkogo kolektivizma* [On the special nature of Russian collectivism]. *Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of NSU. Series: Philosophy], 11 (3), pp. 48-54.